

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

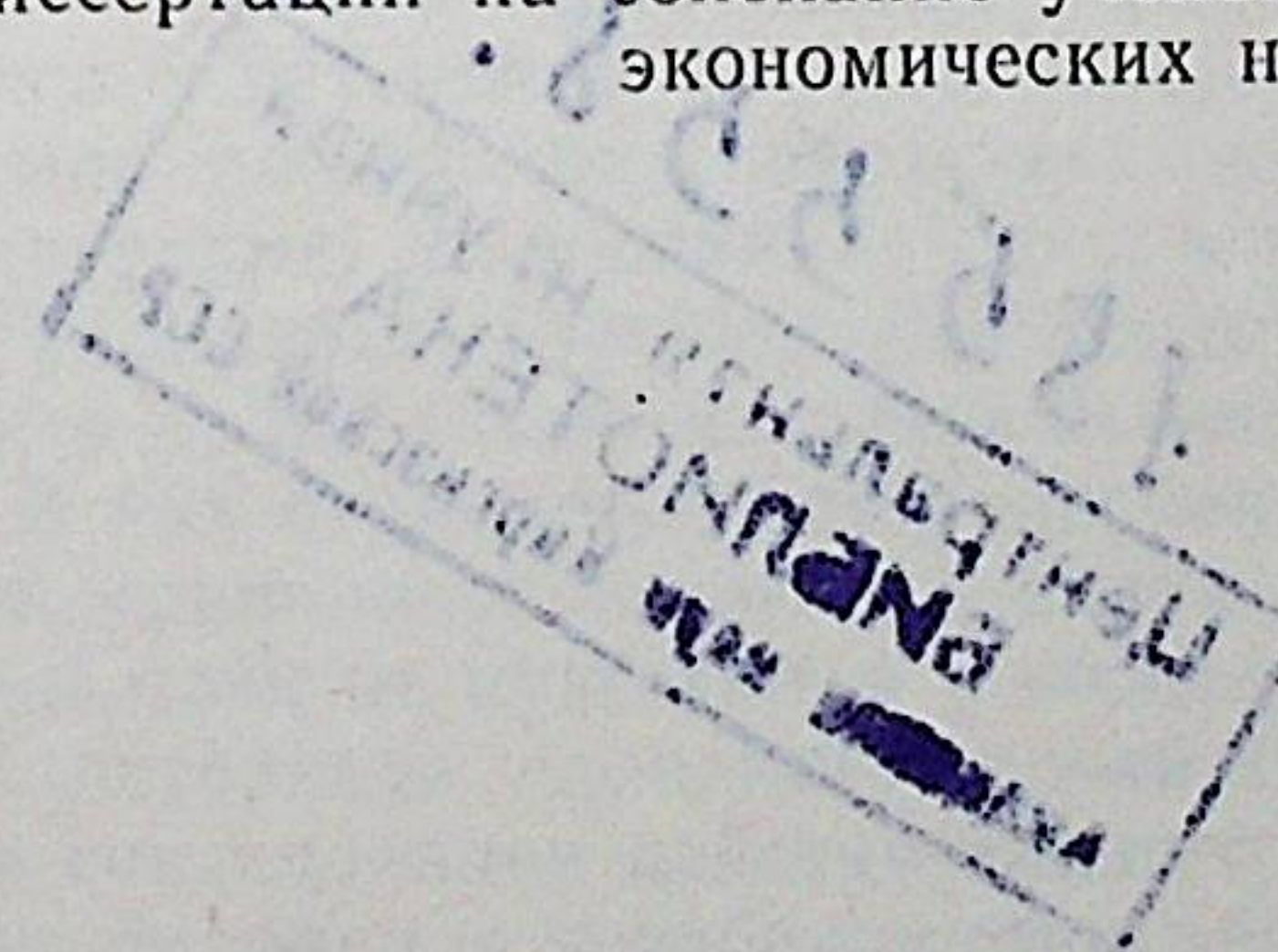
А. А. КЕЕРНА

РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ЭСТОНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
экономических наук

Таллин, 1961

Отделение общественных наук Академии наук Эстонской ССР направляет Вам для ознакомления автореферат диссертации А. А. Кёёрна «Развитие народного хозяйства Эстонии в начале XX века (Экономические предпосылки социалистической революции)» на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Защита диссертации состоится « » 1961 года.

Отзывы просим присылать по адресу: Отделение общественных наук Академии наук Эстонской ССР, город Таллин, ул. Сакала 5.

Ученый секретарь Совета

XXI съезд КПСС потребовал от экономистов, философов и историков глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму, изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, помогать воспитанию трудящихся в духе коммунизма, разоблачать буржуазную идеологию.

В условиях Эстонской ССР, которая сравнительно позже вступила в Союз Советских Социалистических Республик, особую актуальность имеют исследования, разоблачающие буржуазно-националистические концепции в области экономического развития республики.

Буржуазные экономисты и историки в своих классовых целях пытались с помощью различных фальсификаций доказать, будто Эстония экономически не имеет ничего общего с Россией, а примыкает к Западу. Так, например, фашистский геополитик Э. Кант (ныне эмигрант, профессор Лундского университета в Швеции) писал, что граница между Азией и Европой проходит по границе буржуазной Эстонии с Советским Союзом. Эту линию продолжает ныне реакционная верхушка эстонской националистической эмиграции. В последние годы в эмигрантской печати появился ряд работ, извращающих историю народного хозяйства Эстонии и произвольно истолковывающих ее с реакционных позиций. В них отрицается историческая неизбежность и прогрессивность социалистического развития Эстонии. Преследуемые авторами цели не нуждаются в комментариях. Поэтому важной задачей историков народного хозяйства республики является научное исследование действительного процесса экономического развития Эстонии, с неизбежностью ведущего к утверждению социалистических производственных отношений.

Одной из мало освещенных советскими исследователями периодов экономического развития Эстонии являются годы 1900—1917. Имеются только единичные работы по развитию крупной промышленности в Эстонии, некоторые общие замечания по другим отраслям народного хозяйства, но специальные исследования, посвященные истории народного хозяйства Эстонии в указанный период, отсутствуют. В последнее время советские историки много сделали для разработки истории Октябрьской революции в Эстонии. Однако до сих пор в их работах преобладает политическая проблематика. Это, конечно, естественно, ибо коренным вопросом революции является во-

прос о власти. Но социалистическая революция — сложный и многогранный процесс, охватывающий все сферы экономической, общественно-политической и идеологической жизни общества. Экономический аспект социалистической революции до последнего времени мало исследован или дается в самой общей форме. Это отрицательно отражается на освещении истории Октябрьской революции, ибо неизбежность, возникновение и проведение социалистической революции, участие в ней масс, деятельность различных партий становятся полностью понятными только на основе изучения объективных условий материальной жизни общества, которые определяют субъективные действия народных масс.

Характерно, что буржуазные историки и экономисты стремились обойти в своих работах экономические процессы, предшествующие Октябрьской революции. Это делалось с целью отрицания каких-либо объективных экономических предпосылок социалистической революции в Эстонии. Буржуазные историки народного хозяйства характеризовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию как явление, не имеющее никакой экономической и социальной почвы в Эстонии, как «чисто случайное», «русское» явление. Один из главнейших буржуазных идеологов Э. Лааман, например, утверждал, что идея социалистической революции чужда эстонскому народу, что в Эстонии отсутствовали объективные социально-экономические предпосылки социалистической революции. Революцию в Эстонии якобы провели «русские военные и дезертиры».

Вслед за своими хозяевами — эстонской националистической буржуазией идеологии правых социал-демократов Эстонии М. Мартна, А. Рей и другие также клеветали на Октябрьскую революцию. Например, А. Рей (ныне глава так называемого «эстонского правительства» в эмиграции) заявлял, что экономическое развитие Эстонии не создало предпосылок для социалистической революции и поэтому Октябрьская революция в Эстонии была «заговорщическим путчем большевиков».

В данной работе автор стремится решить следующие задачи: Во-первых, дать анализ экономического развития Эстонии в начале XX века с точки зрения созреваания объективных экономических предпосылок социалистической революции. Во-вторых, разоблачить на конкретном фактическом материале реакционные теории буржуазных экономистов и историков в данном вопросе. При решении этих задач автор придерживается мнения, что экономические предпосылки Октябрьской революции в Эстонии нельзя рассматривать изолированно. Эстония входила в состав России. Ее экономика развивалась в системе российского народного хозяйства. Поэтому процесс образования экономических предпосылок социалистической революции в Эстонии — это часть общего процесса, происходившего в России. Автор надеется, что анализ экономического развития Эстонии

в какой-то мере поможет решению общей проблемы — исследованию экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Диссертация написана на основе марксистско-ленинской методологии. Труды классиков марксизма-ленинизма, а также решения, резолюции и другие материалы съездов и пленумов ЦК КПСС, теоретические документы партии служили путеводными маяками при анализе фактического материала. В диссертации используются документы и материалы, имеющиеся в Центральном государственном историческом архиве в гор. Ленинграде (ЦГИАЛ), в Центральном государственном Военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА), в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (ЦГИА ЭССР), в Центральном государственном историческом архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (ЦГАОР ЭССР), в Государственном архиве города Таллина и Харьковского района (ТГА ЭССР). Всего проработано в течение 1955—1960 годов 1170 ед. хр. 94 фондов. Большая часть архивных материалов изучалась впервые, например, материалы, касающиеся деятельности некоторых общероссийских монополий, военно-промышленных комитетов в Эстонии и др. Критически были использованы статистические материалы по исследуемому периоду. В ходе работы автором изучена научная литература советских авторов. В диссертации подвергнуты критике работы буржуазных авторов и правых социалистов, изданные на эстонском, русском, немецком и английском языках.

Диссертация написана на эстонском языке. Она состоит из введения, пяти глав и заключения. Объем работы 521 страница, в том числе приложения на 18 страницах.

В введении излагается цель и структура работы, историография вопроса и критический обзор имеющейся литературы.

В первых трех главах определяется место и значение Эстонии в народном хозяйстве России, дается анализ экономической структуры Эстонии и развития экономических и социальных противоречий с начала XX века до первой мировой войны.

В первой главе «Развитие промышленности в Эстонии в начале XX века» исследуется процесс развития промышленности до первой мировой войны.

В начале XX века, особенно в период промышленного подъема, предшествовавшего первой мировой войне, промышленность в Эстонии достигает относительно высокого уровня. По данным переписи населения 1897 года, в промышленности было занято 14,6% населения, в то время как в России в целом 9,8%. По нашим подсчетам, в 1913 году удельный вес промышленной продукции составил 53% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. Выпуск промышленной продукции на

душу населения составлял в целом по Эстонии 140 руб., а в Эстляндской губернии, как в промышленном отношении более развитой части, 205 руб. Средний уровень по России составлял 27,2 руб. По выпуску промышленной продукции на душу населения Эстляндия находилась на четвертом месте в числе 50 губерний Европейской России.

В структуре крупной промышленности Эстонии в 1900 году по численности занятых рабочих на первом месте стояла текстильная промышленность, в которой работало 46,5% всех рабочих, на втором месте — металлообрабатывающая промышленность, где было занято 30% рабочих. В процессе интенсивной капиталистической индустриализации эта отрасль промышленности развивалась особенно быстро. Другими важнейшими отраслями являлись деревообрабатывающая, бумажно-целлюлозная и минералообрабатывающая промышленность. В Эстонии производилось 17% бумаги, 30% целлюлозы и 88% фанеры, выпускаемых в России.

Интенсивное развитие крупной промышленности в Эстонии объясняется рядом таких причин, как выгодное географическое положение Эстонии в отношении дешевого иностранного угля и сырья, удобные морские порты, развитая сеть железных дорог и большие резервы квалифицированной рабочей силы. Крупная промышленность в Эстонии почти целиком развивалась на нужды общероссийского рынка. По нашим подсчетам, примерно $\frac{2}{3}$ промышленной продукции реализовалось в других губерниях России. Промышленность Эстонии являлась органической частью промышленности царской России. Все это создавало экономические условия, особенно благоприятствовавшие деятельности российского и иностранного капитала. Экономическая политика царского правительства действовала в том же направлении. В силу данных факторов, в отличие от других окраин царской России, производительные силы в Эстонии развивались относительно быстрее.

С начала XX века до первой мировой войны развитие промышленности в Эстонии протекало в рамках цикла, характерного для России в целом. Однако вследствие своеобразия структуры промышленности в Эстонии имелись и некоторые особенности в развитии этого цикла.

Учредительская горячка, достигшая наивысшего уровня в конце 90-х годов XIX века, оборвалась в связи с кризисом в 1900 году. Кризис, охвативший все отрасли крупной промышленности, затянулся в Эстонии вместе с депрессией до 1907 года. Особенно длительным он был в металлообрабатывающей промышленности, которая в первом десятилетии XX века так и не достигла предкризисного уровня. Кризис эпицентрически распространялся с центральных промышленных районов на окраины, где последующий промышленный подъем также начался с опозданием. Новый приток капитала и быстрый подъем

промышленности наступил в Эстонии только непосредственно в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Этот подъем был вызван в основном подготовкой царской России к войне. В Таллине (Ревеле) началось строительство военно-морского порта, были построены крупные военно-морские судостроительные заводы, расширены заводы металлообрабатывающей промышленности. Только за 1913 год выпуск продукции промышленными предприятиями Эстляндской губернии вырос по сравнению с 1912 годом на 32%. В Эстонии в целом промышленное производство увеличилось к 1913 году по сравнению с 1900 годом, в 2,8 раза, а в металлообрабатывающей промышленности даже в 4 раза.

В результате предвоенного промышленного подъема число рабочих в промышленности к 1913 году возросло по сравнению с 1900 годом на 79%, достигнув 43 тысяч человек.

На этой основе усилился процесс концентрации производства. В 1913 году на предприятиях с числом рабочих 500 и больше работало 78,1% всех рабочих крупной промышленности. Такой высокий уровень концентрации превышал средний уровень в России. В свою очередь высокая степень концентрации производства вела к образованию монополистических объединений. На рубеже XIX и XX веков в Эстонии начинают действовать первые монополии в промышленности. Крупные российские и иностранные монополистические объединения захватывают шаг за шагом ключевые позиции в экономике.

В конце 1900 года в России был организован синдикат джутовых фабрик, в состав которого вошла и Нарвская льнопрядильная мануфактура. Председатель правления Нарвской льнопрядильной фабрики Р. Б. Хаммершмидт был одновременно и председателем комитета — руководящего органа синдиката. Синдикат распался в феврале 1905 года и был восстановлен вновь в 1910 году. Принадлежавшая торговому дому Л. Кнопа крупнейшее промышленное предприятие — Кренгольмская мануфактура (в ней работало 10 тыс. человек) в 1913 году стала членом текстильного синдиката «Товарищество внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами».

Крупнейшие предприятия металлообрабатывающей промышленности также состояли в общероссийских или иностранных монополиях. Например, вагоностроительный завод «Двигатель» состоял в синдикате «Продвагон». В группу финансового капитала, возглавляемого Русско-Азиатским банком входило акционерное общество Русско-Балтийских судостроительных и механических заводов. Судостроительный завод акционерного общества «Ноблесснер» заключил монополистическое соглашение с трестом «Навал-Руссуд» для постройки подводных лодок.

Два крупных предприятия цементной промышленности — заводы Кунда и Азери вошли в монополистическую группу, во главе которой стояла семья Жирард де Сукантон. Эта группа,

центром деятельности которой была Эстония, постепенно объединила цементные заводы Севера России, а через Черноморский цементный завод участвовала в другой монополии цементной промышленности «Русское общество цементной торговли» («Цементкруг»).

Крупнейшие русские банки, такие, как Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Объединенный, Русский для внешней торговли, Петербургско-Рижский коммерческий и др. контролировали почти все крупные акционерные общества, находившиеся в Эстонии. Например, Азовско-Донской банк контролировал акционерные общества «Синдическая суконная мануфактура» и «Северная бумажная и целлюлозная фабрика». Русский для внешней торговли банк имел контрольный пакет акций а/о «Ассерин».

Иностранный капитал, обильно проникавший в Россию, действовал и в Эстонии. Ввоз иностранного капитала следовал за движением промышленного цикла. Особенно интенсивным он был в конце XIX века, в период «учредительной горячки» и в годы предвоенного промышленного подъема. Преобладал немецкий и французский капитал. Перед первой мировой войной иностранным капиталом был организован ряд крупных акционерных обществ по судостроению. Немецким капиталом было создано общество «Ноблесснер», а французским капиталом «Русское-Балтийское судостроительное и механическое акционерное общество» и а/о «Беккер».

Иностранный капитал извлекал путем эксплуатации эстонских трудящихся огромные прибыли. Например, акционерное общество «Вальдгоф», правление которого находилось в Германии, получило ежегодно 15—16% прибыли к основному капиталу. Находившаяся в руках немецких капиталистов Нарвская льнопрядильная мануфактура обеспечивала выплату дивиденда в размере 11%.

Промышленные предприятия местного значения — лесопилки, мельницы, известковые, кирпичные, винокуренные и спиртоочистительные заводы принадлежали в основном обуржуазившемуся прибалтийскому немецкому дворянству. Винокуренные и спиртоочистительные заводы были объединены в монополистическую организацию, во главе которой стоял барон А. Розен. Органом местных немецких и русских предпринимателей являлся Таллинский биржевой комитет, который занимался вопросами промышленности, внешней торговли, финансов и кредита, а также вопросами местного самоуправления.

Более слабая эстонская национальная буржуазия не могла играть сколько-либо значительной роли в крупной промышленности, но она стремилась компенсировать свое второстепенное положение усилением эксплуатации эстонских трудящихся. На принадлежавших ей мелких предприятиях условия труда были особенно тяжелые — рабочий день достигал 12—14 часов, пол-

ностью отсутствовала охрана труда и т. д. Все это позволяло ей выдерживать конкуренцию более крупных немецко-русских предприятий и постепенно укреплять свои экономические позиции. В начале XX века она начинает создавать свою, отдельную от немецкой буржуазии сеть кредитных обществ. В 1913 году в Эстонии действовало уже 129 чисто эстонских кредитных обществ. Их баланс увеличился с 972 тыс. рублей в 1905 году до 11,7 миллионов рублей в 1910 году и 29,8 миллионов рублей в 1915 году. В результате деятельности кредитных обществ эстонская национальная буржуазия получила возможность учреждать относительно более крупные торговые и промышленные предприятия.

Экономически усилившаяся эстонская национальная буржуазия под видом борьбы против национального неравенства стремилась укрепить свою конкурентноспособность, получить большую возможность эксплуатации «своих трудящихся». Но это не мешало ей каждый раз, когда нарастала революционная угроза, объединяться в классовых интересах с русской и немецкой буржуазией и дворянством.

Таким образом, в промышленности Эстонии в начале XX века наряду с крупным монополистическим капиталом функционировал средний и мелкий местный капитал. По нашим приблизительным подсчетам, монополии охватывали 40% всего акционерного капитала в промышленности Эстонии. Мелкие и кустарные предприятия, принадлежавшие местным капиталистам, выпускали в начале века примерно $\frac{1}{3}$ всей промышленной продукции.

В начале XX века, особенно в годы кризиса и депрессии (1900—1906 гг.), усиливалась эксплуатация промышленного пролетариата и его абсолютное и относительное обнищание. Несмотря на то, что в Эстонии средний уровень заработной платы был выше, чем в целом по России (в Эстляндской губернии 331 руб. в год, в России 264 руб.), растущая дороговизна жизни, многочисленные штрафы, высокая плата за квартиру и за врачебную помощь — все это снижало реальную заработную плату рабочих. Так, индекс цен потребительских товаров за период с 1900 года по 1913 год возрос на 36,8%, в то время как номинальная заработная плата оставалась прежней. Снижение реальной заработной платы сопровождалось ростом интенсивности труда.

Усиливавшаяся эксплуатация рабочего класса приводила к росту антикапиталистических настроений, которые в условиях высокой концентрации производства выливались в широкое революционное движение. Эстонский пролетариат принимал активное участие в революции 1905—1907 гг. Это проявилось в массовом забастовочном движении, которое по числу участников характеризуется следующими данными: в 1905 году бастовало 64 638 рабочих, в 1906 году 24 100 рабочих и в 1907 году

16972 рабочих. Решающей фазы борьба эстонского пролетариата достигла в декабрьском вооруженном выступлении 1905 года. В революции 1905—1907 гг. пролетариат Эстонии приобрел богатый опыт борьбы против царского самодержавия, против гнета капиталистов и помещиков.

Перед первой мировой войной начался новый подъем забастовочного движения в Эстонии. В 1912 году в Эстонии было зарегистрировано 44 забастовки, в которых участвовало 14132 человека в 1913 году — 62 забастовки с 22109 участниками, а в 1914 году — 79 забастовок с 27725 участниками (т. е. $\frac{2}{3}$ рабочих промышленности Эстонии). В эти годы Эстония наряду с такими промышленными центрами, как Петербург, Москва, Баку, являлась местом наиболее крупных классовых боев. Революционное движение эстонского пролетариата возглавлялось Таллинской, Тартуской и Нарвской организациями РСДРП(б).

Во второй главе «Развитие сельского хозяйства в Эстонии в начале XX века» дается подробный анализ аграрных отношений в Эстонии и характеризуется развитие производительных сил сельского хозяйства в этот период.

Аграрные отношения в Прибалтийских губерниях, в том числе в Эстонии, имели некоторые своеобразия. Здесь в наиболее яркой форме по сравнению с другими районами России протекал прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Большинство помещиков к началу XX века вели хозяйство капиталистическими методами. Но одновременно в результате аграрного законодательства 1849—56 годов в Эстонии начался усиленный выкуп земель у прибалтийско-немецкого дворянства. Более интенсивно этот процесс развивался в южной части Эстонии (северная часть Лифляндской губернии), где к началу XX века почти вся крестьянская земля (84,12%) была выкуплена. В Эстляндской губернии этот процесс протекал медленнее: к 1917 году было выкуплено 83% крестьянской земли и 55% крестьянских хозяйств. Однако на выкупленных хозяйствах лежал огромный выкупной долг. В 1900 году выкупная задолженность составляла 43,8 миллионов рублей. Кроме того, крестьяне должны были ежегодно выплачивать в виде процентов по задолженности 2,7 миллионов рублей.

В результате выкупа крестьянской земли к началу XX века в Эстонии образовалась наряду с помещичьим землевладением кулацкая и мелкокрестьянская земельная собственность. Но господствующей оставалась земельная собственность прибалтийско-немецкого дворянства. По данным статистики землевладения 1905 года, в Эстонии из всего земельного фонда принадлежало помещикам 64,4%, крестьянам 27,6%, церкви, государству и различным организациям 8,0%. Для сравнения ука-

жем, что удельный вес землевладения помещиков в России составлял 25,8%.

Среди выкупленных крестьянских хозяйств преобладали хозяйства величиной более 30 га. В 1905 году хозяйства более 30 га составляли 69,5% крестьянских хозяйств, им принадлежало 83,8% крестьянского землевладения. С другой стороны, мелким крестьянским хозяйствам до 15 га принадлежало только 1,9% крестьянской земли. В 1900 году в Эстляндской губернии крестьяне, владевшие землей на правах собственности или аренды дифференцировались следующим образом: хозяйства величиной до 15 га, большинство которых являлись бедняцкими, составляли 39,9% всех крестьянских хозяйств, но в их пользовании находилось только 9,1% крестьянской земли; хозяйства величиной от 15 до 30 га, в основном середняцкие, составляли 21,6%, в их пользовании было 19,7% крестьянской земли, а хозяйства более 30 га (кулацкие), составлявшие 38,5% хозяйств, пользовались 71,2% земли.

С начала века до Октябрьской революции усилился процесс расслоения крестьянства. Перед Октябрьской революцией крестьянские хозяйства распределились следующим образом: хозяйства величиной до 10 га составляли 31,5% всех крестьянских хозяйств, от 10 до 20 га — 13,1%, от 20 до 30 га — 14,6% и свыше 30 га — 41,8%.

Но крестьяне, наделенные землей не составляли большинства эстонской деревни. Прусский путь развития сельского хозяйства обусловил существование в сельском хозяйстве Эстонии огромного числа безземельных крестьян, в то время как почти вся земля была сосредоточена в руках кучки помещиков и кулаков. Из 846 тыс. человек сельского населения землей были наделены только 340 тыс. человек.

Разработанные нами архивные материалы и данные сельскохозяйственной переписи 1916 года, а также имеющиеся частичные данные переписи 1917 года показывают следующую социальную структуру эстонской деревни: из около 600 тыс. человек, занятых в 1916 году в сельском хозяйстве, 331 тыс., или 55%, составляли сельскохозяйственный пролетариат и беднейшее крестьянство, 109 тыс., или 18%, составляло среднее крестьянство, 100 тыс., или 26,93%, — кулаки и 4 тыс., или 0,07%, — помещики.

Масса безземельных крестьян и батраков подвергалась жесточайшей эксплуатации помещиков и кулаков. В огромных латифундиях помещиков работало постоянных сельскохозяйственных рабочих около 100 тыс. человек, примерно столько же постоянных батраков работало в крупных крестьянских хозяйствах. В имениях, средний размер которых составлял в Эстляндской губернии 2112 десятин, а в Лифляндской части Эстонии 2358 десятин, капиталистические формы эксплуатации переплетались с пережитками феодально-крепостнических

отношений. Именья пользовались трудом наделенных маленькими земельными участками крестьян-батраков, а также издольщиков. Сохранялись еще отработочная и натуральная ренты. В 1900 году в Эстляндской губернии 29,3%, а в Лифляндской части Эстонии 28,4% арендаторских хозяйств еще не были переведены на денежную ренту. Такие крестьяне со своими орудиями труда обрабатывали земли имений и обычно, кроме того, еще несли натуральные повинности. Экономическое положение батраков имений и кулацких хозяйств, а также беднейшего крестьянства было тяжелым. Длительность рабочего дня батраков определялась только физическими границами воспроизводства рабочей силы. Как правило, рабочий день длился в летнее время 18 часов, зимой 10—12 часов. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих составляла 50—60% заработной платы промышленных рабочих. Преобладала смешанная денежно-натуральная форма зарплаты. Реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих в период с 1885 года по 1913 год заметно снизилась. Жилищные условия рабочих во многих имениях были совершенно невыносимые. Батраки имений подвергались со стороны помещиков также личному унижению.

Положение батраков в кулацких хозяйствах было аналогичным. С помощью демагогии о национальном единстве кулацкая верхушка деревни старалась скрыть интенсивную эксплуатацию батраков. Конкурируя с крупными хозяйствами помещиков, кулачество стремилось снизить издержки производства путем интенсификации труда батраков, уменьшения заработной платы, заменой части постоянных рабочих сезонными рабочими, оплата труда которых была на 30% ниже.

Сельскохозяйственный пролетариат был политически бесправным, лишен возможности участвовать даже в делах местного самоуправления.

По своему положению к сельскому пролетариату примыкало многочисленное беднейшее крестьянство. Мелкие земельные участки полупролетариев не обеспечивали их существования. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, в Лифляндской части Эстонии 31,3% крестьянских хозяйств были безлошадными, а 15,9% не имело даже коровы. В результате этого масса бедняков была вынуждена искать себе дополнительно средства к жизни, нанималась к кулакам и помещикам или искала заработка вне сельского хозяйства. Из отчетов крестьянских комиссаров этого периода следует, что ежегодно тысячи таких крестьян шли на строительство, мелиоративные и другие сезонные работы. По данным переписи населения, еще в 1897 году 20,3% населения, занятого в сельском хозяйстве, имело приработки в дополнение к основному доходу.

В сильной экономической зависимости от помещиков нахо-

дились крестьяне-арендаторы. В начале XX века в Эстляндской губернии помещиками сдавалось в аренду 33,5%, в Лифляндской части Эстонии 28,0% помещичьего землевладения. В конце XIX — начале XX века помещики периодически повышали арендную плату. Так, например, в Лифляндии арендная плата за одну десятину земли повысилась в период с 90-х годов по 1907 год в два раза. Росла также цена земли, которая примерно в 2,5 раза была выше, чем во внутренних губерниях России. Повышение арендной платы ухудшало положение арендаторов и обостряло противоречия между крупными землевладельцами-помещиками и большой массой арендаторов. На трудящееся крестьянство ложилось тяжелым бременем, кроме огромного выкупного долга и арендной платы, еще и различные денежные и натуральные повинности, от которых помещики в основном были освобождены. В Эстляндской губернии задолженность крестьянских хозяйств перед первой мировой войной по одному только волостному сбору составляла более 200 тыс. руб. в год.

Помещики сохраняли за собой ряд феодальных привилегий. Они имели монопольные права на винокурение и пивоварение, открытие корчем, рыбную ловлю и охоту. Им принадлежали почти все лесные богатства. В руках прибалтийско-немецкого дворянства было местное самоуправление.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Эстонии создавало некоторые условия для роста производства. Сельское хозяйство Эстонии специализировалось в основном на разведении молочного скота. Особенно большой толчок в этом направлении был дан аграрным кризисом 1875—1895 гг., во время которого резко снизились цены на зерно. Установление дифференцированных тарифов по железнодорожным перевозкам дало возможность наводнить Прибалтику дешевым зерном из основных зерновых районов России. Это вызвало кризис зернового хозяйства в Эстонии и ускорило переход на молочное животноводство не только в имениях, где этот процесс начался уже раньше, но и в крестьянских хозяйствах, втянутых в рыночный оборот. Однако, несмотря на некоторое увеличение поголовья молочного скота и повышение его продуктивности, рост этот происходил медленно и был незначительным. Например, поголовье крупного рогатого скота в период с 1900 по 1913 год возросло только на 5,6%.

Развитию животноводства была подчинена структура растениеводства, в котором доминировали кормовые культуры. Основными товарными культурами были в Эстляндской губернии картофель и в Лифляндской части Эстонии лен. По производству картофеля на душу населения Эстляндская губерния была в России на первом месте. Картофель вывозился в Петербург, а основная часть перерабатывалась на месте на 283 винокуренных заводах. В 1913 году в Эстонии было выкурено 105,7 миллионов литров водки, которая в основном вывозилась

в другие губернии России. Выращиваемый в южных уездах Эстонии лен вывозился через Пярнуский порт за границу, где он славился своим высоким качеством. С начала XX века до первой мировой войны производство льна и льняных семян сократилось в связи со снижением цен на мировом рынке и переходом крестьянских хозяйств к более интенсивному молочному животноводству.

Таким образом, развитие сельскохозяйственного производства было обусловлено законами капиталистической прибыли и стоимости, которые определили и ее специализацию.

Как следствие некоторого развития сельскохозяйственной техники, более широкого применения минеральных удобрений, распространения агрономических и зоотехнических знаний в имениях и крупных кулацких хозяйствах в начале века наблюдалось некоторое увеличение производства продуктов сельского хозяйства и повышение урожайности.

В начале XX века, а особенно после столыпинской реформы среди крестьян Эстонии разворачивается широкое кооперативное движение, которое охватывает в основном кулачество и зажиточное крестьянство. Расширяется деятельность сельскохозяйственных обществ, усиливающих агрозоотехническую пропаганду среди крестьянства. Это в некоторой мере содействовало развитию крестьянского хозяйства. Но это развитие шло очень медленно и односторонне, в основном за счет крупных хозяйств. В большей массе крестьянских хозяйств сельскохозяйственные работы производились примитивными сельскохозяйственными орудиями. Например, в 1901 году в Эстляндской губернии на каждую 1000 га пашни приходилось только 42 железных плуга, 5 сеялок, 3 жнейки, 4 косилки, 10 конных молотилок. Даже в крупных кулацких хозяйствах и имениях новые сельскохозяйственные машины применялись мало. Высокие таможенные тарифы на ввоз сельскохозяйственных машин и орудий, установленные царским правительством в интересах монополий, тормозили развитие техники в сельском хозяйстве. Крупнейшим препятствием для развития производительных сил являлись сохранявшиеся в аграрном строе феодальные пережитки — отработочная и натуральная ренты, помещичьи привилегии и т. п.

Экономические противоречия аграрного строя в Эстонии порождали и социальные противоречия. Полуфеодальная-полукapиталистическая эксплуатация, произвол помещиков и кулаков толкали сельских рабочих на путь революционной борьбы. Наиболее революционным отрядом батрачества в силу их большей концентрации были рабочие имений. Они активно выступали в революции 1905—1907 гг. Например, в январе-марте 1905 года имели место забастовки батраков в 60 имениях. В мае-июне батраки бастовали около 30 раз. Они участвовали в вооруженном декабрьском восстании 1905 года.

В третьей главе определяется удельный вес и роль местного рынка Эстонии в развитии общероссийского рынка, значение эстонских морских портов во внешней торговле царской России и дается анализ экономических связей с другими частями российского рынка.

Соответственно общему экономическому уровню Эстонии местный рынок был относительно развит. В 1900 году удельный вес эстонского рынка в товарообороте России составлял 8,6%, хотя население Эстонии составляло только 0,08% населения России. Эстонский рынок, будучи частью общероссийского рынка, имел тесные связи с другими районами России. В 1900 году в Эстонию привезли 48,8 миллиона пудов товаров из других районов России (исключая транзит), а вывезли в другие районы 29,3 миллиона пудов. Такое соотношение объясняется тем, что развитая крупная промышленность в Эстонии потребляла большое количество сырья, которое здесь перерабатывалось и затем в виде готовой продукции или полуфабрикатов отправлялось обратно в другие губернии России. В Эстонию ввозили для местного потребления большое количество кормового зерна и жмыхов, а также зерновые продукты, потребительские промышленные товары и средства труда. Из Эстонии вывозилась готовая продукция крупной промышленности, сельскохозяйственные продукты: картофель, молоко и молочные продукты, мясо, кроме того, спирт и водка. Как по ввозу, так и по вывозу местный рынок был особенно тесно связан с Петербургом.

В период с 1900 по 1913 год, а особенно в годы предвоенного промышленного подъема увеличивается емкость местного рынка и еще более укрепляются связи с другими районами российского рынка. По неполным данным, товарооборот в этот период увеличился в Эстонии на 50%, а стационарная торговая сеть на 66,5%. Более быстрый рост торговой сети характерен для капиталистической торговли и свидетельствует о противоречиях между целью получения большей капиталистической прибыли и отставанием платежеспособного спроса, характерного для экономики Эстонии в период капитализма.

Эстония имела важное значение в осуществлении внешней торговли царской России со странами Европы, особенно с Англией и Германией. Эстонские буржуазные националисты с целью аргументации прозападной ориентации пытались доказать обратное. Но факты показывают, что через порты Балтийского моря в 1913 году проходило 42,4% импорта и 37,3% экспорта товаров Европейской России. При этом порты Эстонии были важными транзитными центрами, особенно в зимние месяцы, когда Петербургский порт замерзал. Через эстонские морские порты проходило около 10% оборота внешней торговли Европейской России. К началу первой мировой войны их удельный вес несколько снизился вследствие увеличения зна-

чения лучше оборудованных латвийских портов и превращения Таллина в крупный военно-морской порт и крепость. Но несмотря на это, абсолютный объем товарооборота эстонских портов продолжал возрастать, с 1900 по 1913 он увеличился на 14,8%. Возникшая первая мировая война почти полностью прекратила внешнюю торговлю через территорию Эстонии.

Во второй части работы (главы IV и V) рассматривается обострение противоречий в экономической и социальной структуре Эстонии в период первой мировой войны. При этом автор руководствовался известным ленинским положением: «Война ускорила развитие капитализма и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополий к огосударствлению. Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее.»¹

Эстония занимала значительное место в военно-экономическом потенциале царской России. Это объясняется как самим стратегическим положением Эстонии, так и относительно высоким уровнем развития ее экономики.

Промышленность Эстонии имела важное значение в снабжении царской армии военными материалами. После эвакуации промышленных предприятий Латвии летом 1915 года в связи с наступлением немецких войск и установлением фронта под Ригой промышленность Эстонии находилась в ближайшем тылу Северного фронта. Она работала непосредственно на действующую армию и флот. В 1916 году из 48 тыс. рабочих, занятых в крупной промышленности, 37 тыс. человек, или 77,1%, работали на предприятиях, выполняющих военные заказы. Главным образом этим объясняется быстрое развитие крупной промышленности в Эстонии в годы войны. Число рабочих выросло с 43 тыс. человек в 1913 году до 48 тыс. человек на начало 1917 года. Такое развитие, однако, было односторонним и противоречивым.

Сам процесс мобилизации и перестройки промышленности проходил в Эстонии, как и в целом по России, стихийно, на основе закона конкуренции и анархии производства. Крупная промышленность Эстонии работала большей частью на привозном английском каменном угле. Так, в 1913 году импорт каменного угля в Эстонию из Англии составил 34,7 миллионов пудов. Ряд больших промышленных предприятий в хлопчатобумажной и других отраслях промышленности пользовались заграничным сырьем. Поэтому уже в начале войны в связи с блокадой немецким флотом Балтийского моря почти все крупные промышленные предприятия были вынуждены временно приостановить производство. По данным фабричных инспекторов, в начале войны остановилось 23% предприятий крупной промышленности, часть из них закрылась на все время войны.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 210.

Почти половина предприятий значительно сократила производство. Мелкие же предприятия, лишившись сырья, топлива и рабочей силы в большинстве закрылись.

Предприятия крупной промышленности, способные выполнять военные заказы, были мобилизованы и перестроены на удовлетворение военных нужд. С самого начала войны стали расширять свою деятельность крупные судостроительные заводы и другие предприятия металлообрабатывающей промышленности. Число рабочих на судостроительных заводах выросло с 5,6 тыс. человек в начале войны до 17,3 тыс. человек к началу 1917 года. Летом 1915 года в Эстонии были организованы Таллинский и Тартуский военно-промышленные комитеты, через которые привлекались к выполнению военных заказов мелкие предприятия. В условиях Эстонии, где военные заказы непосредственно распределялись Морским и Военным министерствами, командованием морской крепости и местных воинских частей, деятельность военно-промышленных комитетов по привлечению мелкой промышленности была очень ограниченной. Например, стоимость заказов, распределенных Таллинским военно-промышленным комитетом, составляла только 2% стоимости продукции, выпускаемой военной промышленностью Эстонии.

Под влиянием военной конъюнктуры изменилась структура промышленности. На первое место встала металлообрабатывающая промышленность, удельный вес которой по числу рабочих увеличился с 25,7% в 1913 году до 53,8% в 1916 году. Число рабочих в этой отрасли увеличилось к 1917 году по сравнению с 1913 годом в 2,3 раза. Текстильная промышленность была оттеснена на второе место. Ее удельный вес снизился с 42,3% в 1913 году до 34,1% в 1916 году. Число занятых в ней рабочих уменьшилось на 10%. Сокращение производства и числа рабочих произошло и в других отраслях промышленности.

Промышленность, в том числе и металлообрабатывающая, работала во время войны с большими перебоями. Расстройство транспорта, недостаток топлива и сырья, нехватка квалифицированной рабочей силы задерживали выполнение военных заказов и являлись причиной недогрузки многих крупных предприятий (судостроительные, вагоностроительные, текстильные и др.). Крупнейший судостроительный завод Русско-Балтийского акционерного общества, имея заказ на постройку 6 миноносцев и 2 крейсеров, не выполнил ни одного заказа в срок. До Октябрьской революции ни один корабль не был сдан. Такие факты не являлись единичными.

В годы войны ускорился процесс концентрации производства, расширялась деятельность монополий и усилилось господство финансового капитала в промышленности Эстонии. Если в 1913 году на предприятиях с числом рабочих в 500 человек и больше, которые составляли 11,9% предприятий круп-

185558

17

ной промышленности, работало 78,1% рабочих, то к началу 1917 года на таких предприятиях, составлявших 14,3% предприятий промышленности, было занято 86,6% рабочих. Концентрация производства за три года войны продвинулось вперед быстрее, чем за весь предыдущий период с начала XX века. В годы войны производство все более сосредоточивалось в монополизированных промышленных предприятиях за счет вытеснения немонополизированных. Монополизированные предприятия получали большинство военных заказов. Например, в 7 крупных предприятиях металлообрабатывающей промышленности, находившихся под контролем групп российского и иностранного финансового капитала и выполнявших военные заказы, число рабочих утроилось и составляло 45% всех рабочих промышленности Эстонии. Два крупных завода Русско-Балтийского судостроительного акционерного общества и общества «Беккер» получили в период 1913—1916 гг. военных заказов на 119,5 миллионов рублей. Для сравнения укажем, что вся сумма военной продукции промышленности Эстонии в 1916 году составляла 140,7 миллиона рублей. Российский и иностранный финансовый капитал расширял свою деятельность. Крупные российские и иностранные банки вложили большие капиталы в военную промышленность на территории Эстонии. Так, например, за счет кредита в размере 12,3 миллиона рублей полученного от Русско-Азиатского банка, при Русско-Балтийском судостроительном заводе в Таллине был построен крупный цех для изготовления артиллерийских снарядов. Кредит был получен в иностранной валюте и использован на покупку оборудования в США и Англии. Производство боеприпасов было организовано и при некоторых других крупных заводах металлопромышленности за счет дополнительных больших капиталовложений банков. Расширению сферы деятельности финансового капитала способствовали меры государственного контроля и регулирования, применявшиеся царским правительством в условиях перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Огромные казенные военные заказы обеспечивали монополиям и финансовому капиталу получение высоких монопольных прибылей. Русско-Балтийский судостроительный завод, например, только от постройки 8 кораблей получил 4,2 миллиона рублей прибыли, что составляло 20% к издержкам производства. Более чем в пять раз повысилась прибыль а/о «Двигатель», входившего в синдикат «Продвагон», а/о «Балтийская мануфактура» и т. д. Крупнейшие акционерные общества получили от казны большие кредиты на льготных условиях. Так, например, акционерные общества «Беккер» и «Русско-Балтийское» получили от правительства миллионные беспроцентные кредиты, в то время как французские банки предоставляли им кредит из расчета 12% годовых. Как показывают архивные материалы, большая

часть этих кредитов присваивалась незаконными путями членами правлений и правительственными чиновниками. Из 23,7 миллиона рублей, полученных в кредит от казны Русско-Балтийским судостроительным обществом, 15,8 миллиона рублей было путем различных махинаций присвоено членами правления общества и растрчено на взятки чиновникам Главного артиллерийского управления для получения выгодных заказов. Это подтверждает слова В. И. Ленина о том, что «Капиталистическое хозяйство «на войну» (т. е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками) есть систематическое, узаконенное казнокрадство».¹ В результате расхищения казенных денег эти предприятия, несмотря на обильные казенные кредиты, постоянно терпели финансовые трудности и в конце-концов были правительством секвестированы.

Царским правительством был создан ряд органов контроля и регулирования. Однако вся эта система на местах, как показывает пример Эстонии, не сумела обеспечить снабжения промышленности необходимыми для бесперебойной работы сырьем и топливом, что и объясняет невыполнение в сроки военных заказов. Она действовала безукоризненно только в области обеспечения высоких прибылей капиталистам, угнетения трудящихся и обирания широких народных масс.

Тем самым государственно-монополистические тенденции, ярко проявлявшиеся в Эстонии в годы войны не были организующим началом в промышленности, напротив, они усиливали анархию и дезорганизацию производства.

Большие трудности в годы войны переживало сельское хозяйство. Еще более обострились противоречия, существовавшие в аграрном строе Эстонии до войны. Особенно заметно это отражалось на помещичьих хозяйствах. Вследствие мобилизации в армию возник острый недостаток в рабочей силе в первую очередь в имениях и кулацких хозяйствах. Во время войны военными властями неоднократно производились реквизиции лошадей и крупного рогатого скота. Резко сократился привоз из внутренних губерний России кормового зерна и жмыхов. Углубилось техническое отставание сельского хозяйства. Еще до войны промышленность не была в состоянии снабжать сельское хозяйство необходимыми машинами и орудиями, что в некоторой степени возмещалось импортом машин из-за границы. С переводом промышленности на военные рельсы и прекращением импорта сельское хозяйство стало чувствовать острый недостаток в сельскохозяйственной технике, в различных материалах, в металле и минеральных удобрениях.

Крупные капиталистические хозяйства под влиянием военной инфляционной конъюнктуры делали попытки приспособиться к создавшимся условиям (переход на менее трудоемкие культуры

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 315.

и скороспелое животноводство). Но все это не остановило процесса деградации сельского хозяйства. К началу 1917 года намечилось сокращение общей посевной площади и поголовья скота. Во многих имениях остался неубранный урожай 1916 года. Помещики в своей записке царскому правительству 11 февраля 1917 года писали: «Сельское хозяйство находится в очень угрожающем состоянии. Ожидается полное прекращение всех сельскохозяйственных работ к лету.»¹

Буржуазно-демократическая революция не разрешила обострившихся во время войны противоречий в экономике Эстонии. После февральской революции в Эстонии усилились расстройство и развал всего народного хозяйства. Временное правительство не могло устранить тех объективных причин развала народного хозяйства, которые были порождены войной. В Эстонии работа промышленности была дезорганизована. В апреле 1917 года предприятиям Таллина угрожало полное прекращение работ из-за нехватки топлива и сырья. Летом 1917 года один за другим закрывались промышленные предприятия. В конце августа — начале сентября началась эвакуация крупных промышленных предприятий Таллина. Эвакуация проводилась беспорядочно. Некоторые предприятия не имели даже места назначения, эвакуированные грузы были разбросаны по всем железным дорогам России. Промышленность пришла в полный упадок. Резко ухудшилось в 1917 году положение и в сельском хозяйстве. Посевная площадь важнейших культур сократилась весной 1917 года на 10,2%. Во многих имениях поля остались незасеянными. Заметно снизилась урожайность культур. Урожай зерновых был на 14,5% ниже, чем в 1916 году, урожай картофеля на 18,8%, льна на 39,1% и льняных семян на 50,8%.

Кризис в экономике России, порожденный империализмом и войной, выразился в Эстонии особенно рельефно. Он явился проявлением общего обострения противоречий между производительными силами и производственными отношениями в эпоху империализма. Эти противоречия могли быть разрешены только социалистической революцией.

Под воздействием объективных экономических предпосылок созревали и субъективные факторы социалистической революции. В. И. Ленин указывал: «Революцию могут делать только массы,двигаемые глубокими экономическими нуждами.»¹ Экономическое положение трудящихся в годы войны резко ухудшилось. С помощью военно-государственного аппарата капиталисты с начала войны перешли в наступление на рабочих, лишая их тех завоеваний, которые были достигнуты в упорной забастовочной борьбе до войны. В крупнейшем промышленном центре Эстонии — Таллине было объявлено осадное положение.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 1236, л. 65.

² В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 385.

Были запрещены забастовки, демонстрации. Рабочим предприятий, выполнявших военные заказы, была запрещена самовольная перемена места работы и они объявлялись мобилизованными на время войны. Рабочий день был удлинен до 12—14 часов. Повысилась интенсивность труда. Несмотря на повышение номинальной заработной платы, жизненный уровень рабочих угрожающе падал. Вследствие растущей дороговизны (расчитанный нами индекс цен важнейших потребительских товаров повысился до 440; 1913 = 100) и инфляции реальная заработная плата рабочих промышленности, по нашим подсчетам, снизилась к 1917 году на 40% по сравнению с довоенным. Безудержная спекуляция, сокращение ввоза продовольствия из других губерний России и сокращение сельскохозяйственного производства в Эстонии вызвали продовольственный кризис, который с начала 1917 года стал переходить в настоящий голод. В более крупных городах Эстонии (Таллин, Тарту) на этой почве возникали стихийные демонстрации и волнения. Продовольственные комитеты на местах не могли разрешить продовольственного вопроса, поскольку в них сидели крупные торговцы и кулаки, которые наживались на спекуляции продовольствием. Помещики и кулаки отказывались продавать хлеб в ожидании еще более высоких цен.

Пролетариат Эстонии во время войны вел активную забастовочную и политическую борьбу вместе со всем рабочим классом России за свержение царского самодержавия и капиталистического строя. Уже в 1915 году в Эстонии, как и в России, поднялась новая волна забастовочного движения. В 1915 году в Эстонии было 15 забастовок, в которых участвовало более 10 тыс. человек. В 1916 году забастовочное движение еще больше расширилось. Число забастовок, по неполным данным, составило 28, а число участников — более 29 тыс. человек. Размах забастовочного движения превысил самый высокий довоенный уровень. Забастовки в 1916 году, несмотря на драконовские меры царских властей, отличались небывалой массовостью и упорством. Особенно упорные забастовки имели место на таких крупных предприятиях, как «Двигатель», «Кренгольмская мануфактура» и др., где забастовками руководили сильные организации большевиков.

Вслед за победой буржуазно-демократической революции в Петрограде произошли революционные выступления и в Эстонии. После победы февральской революции в Эстонии пролетариат развернул широкую борьбу за установление 8-часового рабочего дня и повышение заработной платы. Буржуазия ответила на это массовыми локаутами, эвакуацией предприятий и объединением своих сил. Например, общество заводчиков и фабрикантов Ревельского промышленного района приняло решение «объединенными силами противостоять растущим требованиям рабочих». Без согласованного между всеми членами общества

решения ни один предприниматель не имел права идти на уступки рабочим. Это был организованный заговор против рабочих.

Исходя из ленинских Апрельских тезисов и решений Апрельской конференции РСДРП(б), большевики Эстонии повели пролетариат на борьбу за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. В этой борьбе надежным союзником пролетариата были пролетарские и полупролетарские слои деревни, которые составляли в Эстонии более $\frac{2}{3}$ сельского населения.

Во время войны ухудшалось экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата и беднейшего крестьянства. Появилась тенденция возвращения к феодальным формам эксплуатации, что крайне обострило социальные противоречия в деревне.

Недостаток машин и орудий помещики компенсировали усилением эксплуатации сельскохозяйственного пролетариата. В связи с инфляцией снизилась реальная зарплата рабочих имений и батраков в кулацких хозяйствах. Помещики и кулаки попытались заменить натуральную часть зарплаты деньгами, что было им выгодно, поскольку цены на продукты сельского хозяйства во время войны повысились.

Обострились противоречия между крупными землевладельцами и арендаторами. Помещики во время войны повышали ренту. Многие арендаторы мелких участков переводились с денежной ренты на отработочную ренту. В ряде волостей помещики отказывались принимать арендную плату в деньгах и в принудительном порядке выселяли арендаторов.

Буржуазно-демократическая февральская революция не решила ни аграрного вопроса, ни социальных противоречий в деревне, а напротив, обострила их. Даже на просьбы крестьян-арендаторов заменить отработочную ренту денежной, т. е. ликвидировать один из самых диких феодальных пережитков, Временное правительство ответило отказом и предупреждениями о недопустимости самовольного решения этого вопроса крестьянами.

В мае-июне по Эстонии прокатилась волна забастовок рабочих имений. Их ближайшими требованиями были: установление 8-часового рабочего дня, повышение заработной платы, немедленное улучшение жилищных условий. В некоторых местах, где помещики отказывались удовлетворить требования батраков, последних поддерживали рабочие ближайших промышленных предприятий (Азери, Кунда и др.) и революционные солдаты.

Под влиянием большевиков сельскохозяйственными рабочими, батраками и беднейшим крестьянством выдвигался лозунг радикального решения аграрного вопроса — ликвидации помещичьего землевладения и класса крупных землевладельцев-помещиков.

Таким образом, в предоктябрьский период в Эстонии были налицо экономические, объективные и субъективные предпосылки социалистической революции. Пролетариат Эстонии в союзе с беднейшим крестьянством как один из отрядов революционного пролетариата России под руководством партии большевиков вел борьбу за победу социалистической революции.

В заключении диссертации делаются обобщения, вытекающие из анализа развития народного хозяйства Эстонии с начала XX века до Великой Октябрьской социалистической революции.

Анализ экономического развития Эстонии показывает, что в Эстонии, как и в России в целом, к началу XX века капитализм перерастал в империализм, т. е. в свою последнюю стадию, когда противоречие между уровнем развития производительных сил и капиталистическими производственными отношениями достигает особой остроты. На основе высокого уровня концентрации производства господствующими в народном хозяйстве стали российские и иностранные монополии. Но наряду с этим в экономической структуре Эстонии мы видим соединение и переплетение высокоразвитых империалистических форм с отсталыми, полуфеодальными формами экономики. Такое соединение разнородных отношений явилось одной из самых важных причин обострения капиталистических противоречий и подготовки условий социалистической революции.

Первая мировая война ускорила развитие капитализма и обострила до предела его противоречия. Во время войны концентрация производства достигла в Эстонии особенно высокого уровня. Монополии и финансовый капитал расширили свою деятельность. Происходил тот же процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, как и в России в целом. Это означало создание материальных условий перехода от капитализма к социализму путем социалистической революции, ибо государственно-монополистический капитализм, как указывал В. И. Ленин, есть «полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его».

Если предшествующее развитие капитализма и перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм создавали объективные предпосылки для социалистической революции, то вызванная войной разруха народного хозяйства обострила необходимость социалистической революции как выхода из возникшего кризиса.

Сделовательно, победа Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии явилась закономерным, неизбежным процессом, к чему вел весь ход экономического развития Эстонии в системе российского империализма.

Основное содержание диссертации опубликовано в следующих статьях:

1 Об экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии. Ученые записки Тартуского Государственного университета. Выпуск 72, Тарту, 1959, I п. л.

2. О развитии местного национального рынка и торговли Эстонии в составе общероссийского рынка в годы 1900—1913. Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 97, Тарту, 1960, 3,5 п. л. На тему диссертации автор выступал с докладом на научной конференции Института экономики Академии наук ЭССР и вузов республики с участием представителей АН Прибалтийских республик в городе Тарту 26 декабря 1957 года (см. рецензию «Вопросы экономики», № 7, 1958, стр. 168—170) и на научной конференции Института экономики Академии наук ЭССР, Тартуского государственного университета и Эстонской сельскохозяйственной академии 23 июня 1960 г. в гор. Таллине.